

Пират ее величества

**Иван Андреевич с острова Псара:
морской разбойник и российский дворянин**

Владимир Петров

Имя этого человека вошло во многие русские энциклопедии XIX столетия, где он, как правило, фигурирует лишь как удачливый торговец и щедрый благотворитель.

Только в последние годы стали известны и другие стороны жизни этой удивительной личности, причастной ко многим историческим событиям конца XVII- начала XIX века.

Иоаннис Варвакис (по-русски его именовали сначала Ян Варвач, или Ворвач, а впоследствии – Иван Андреевич Варвацкий) родился по данным астраханского краеведа Маркова, пользовавшегося сведениями, сохраненными потомками нашего героя и поныне живущими в Таганроге, - в 1732 году на небольшом острове Псара в самой середине Греческого архипелага.

Датой его рождения традиционно считается 1750 год. Главные вехи его судьбы таковы: знаменитый пират, за голову которого турецкий султан обещал тысячу пиастров, герой Чесменского сражения, затем – один из богатейших астраханских купцов, кавалер орденов Св. Владимира и Св. Анны, потомственный российский дворянин, прославившийся разносторонней и щедрой благотворительностью, член тайного греческого общества «Филики Этерия», а в возрасте 90 лет (!) активный участник греческой национально-освободительной революции.

Вблизи отдельные факты его биографии выглядят, может быть, менее экзотично. Например, пиратство. В Эгейском море им промышляли все, даже военные корабли Турции. Как писал академик Е. В. Тарле, обычно турок-командир «склонен был считать свой корабль чем-то вроде феодального поместья, где матросы доставляют ему доход как из утаенных сумм на их содержание, так и своим участием в пиратских нападениях на суда всех наций — и дружественных, и враждебных, и нейтральных». Не оставались в стороне и греки — прирожденные морские торговцы, обобщившие свой многовековой опыт в поговорке: «Чтобы хорошо торговать, надо быть воином». Греческие пираты не отличались разборчивостью, но их нападения на турецкие корабли имели естественный привкус национально-освободительной борьбы, так же как и набеги греческих горцев-партизан (клефтов) на гарнизоны и администрацию селений в приморских долинах, хотя турок там было мало, а руководящие должности занимали такие же греки, но на турецкой службе. Вообще, греки — самый предприимчивый и наиболее грамотный народ в Османской империи, в их руках сосредоточились многие функции государственной и культурной жизни. В их самосознании жила память о своем прошлом, античном и византийском.

Неполноправное положение, хрупкость любого достигнутого благосостояния формировали характерные черты грека того времени: причудливая смесь патриотизма с ловкостью и энергией в непрерывной погоне за выгодой.

Таков был и капитан Варвакис — купец и судовладелец. «Капитаном» он называется и в греческих, и в русских бумагах, однако в Греции это слово означало не только морскую квалификацию или должность, но и человека, возглавлявшего ватагу «крестовых братьев» — вольных моряков, группировавшихся вокруг какого-либо почитаемого ими храма. В 1770 году Варвакис, подобно многим своим землякам, добровольно присоединился на собственном 20-пушечном судне к русской эскадре под командованием графа А. Г. Орлова и адмирала Г. А. Спиридова, неожиданно объявившегося в Эгейском море. Заканчивался второй год русско-турецкой войны. Перед Балтийским флотом была поставлена сложная, почти авантюрная задача: тайно пройти вокруг Европы, активизировать борьбу балканских народов за независимость и нанести удар по турецким судам. Вопреки вероятности и к изумлению всей Европы задача бы-

ла выполнена, и основные силы османского флота были уничтожены в ночном Чесменском сражении 26 июня 1770 года.

Еще три года после Чесмы русские корабли вместе с присоединившимися к ним греческими и балканскими моряками-инсургентами патрулировали Эгейское море и блокировали Дарданеллы. (Эта тактика оказалась ошибочной, ибо дала возможность Турции возродить флот.)

Именно с Чесмой связывает традиция (представленная почти исключительно энциклопедическими заметками) начало русской службы капитана Варвакиса. Однако Чесменский бой во всех подробностях описан в отчетах и воспоминаниях, и нигде мы не встречаем упоминания о Варвакисе. Впрочем, это не означает, что наш герой в сражении не участвовал.

Теперь о том, что известно более или менее достоверно. В девятой части Общего Гербовника дворянских родов Российской империи сказано: «Иван Варваций в службу вступил из греков в 1770 году, и во время с турками войны в Архипелаге с собственным его мореходным судном находился в разных морских сражениях». За свои заслуги он получил чин поручика. В указе императрицы значилось: «Известно да ведомо будет каждому, что мы служившего в прошедшую войну при флоте Нашем из греков Яна Ворвача для его оказанной в службе Нашей ревности и прилежности в Наши поручики 1772 года октября 21 дня всемилостивейше пожаловали». Новоявленный российский офицер показал себя отважным воином. Боевой эпизод с участием Варвакиса упоминал в «Записках Гидрографического департамента» за 1849 год историк русского флота Ал. Соколов: весной 1774 года во время «обычного ежегодного похода к Дарданеллам» эскадры под флагом адмирала Елманова в ночь на 30 мая с фрегата «Слава» в Хиосском проливе «высажен десант в числе 130 ипсариотов (то есть жителей острова Псара. — В. П.) под начальством Варвача, и им была взята одна батарея о четырех пушках». Отметим, что фрегатом «Слава» командовал лейтенант Марко Войнович — балканский славянин, вступивший в русскую службу все в том же 1770 году. Мы с ним еще встретимся.

Два месяца спустя в турецкой деревушке Кючук-Кайнарджи был подписан мирный договор. Россия получила южно-украинские земли до Буга и свободный выход в Черное и Средиземное моря. Русский флот возвращался в Кронштадт. Вместе с ним переселялись на новую родину многие греческие и славянские семьи, ставшие первыми жителями Новороссии. Немало «крестовых братьев» осталось в родном Эгейском море ходить под российским флагом, однако его у них отобрал по требованию турок русский посол в 1775 году.

Положение Варвакиса стало очень сложным. Он турецкоподданный, но одновременно боевой офицер русского флота; купец, но пока все его достояние составляет один корабль. В этих условиях лучшим выходом для него было бы продолжать служить России уже на Черном море, где она только что получила укрепленные порты Керчь и Кинбурн, где открывались перспективы для развития морского дела. Не с такими ли идеями Варвакис вдруг явился в Стамбул к русскому генерал-фельдмаршалу князю Н. В. Репнину, который прибыл в турецкую столицу с кратковременным чрезвычайным посольством? Это вполне возможно. Достоверно известно, что только покровительство Репнина позволило Варвакису беспрепятственно покинуть Турцию и направиться в Петербург (перед этим бывший пират был арестован в Стамбуле и каким-то чудом вырвался из страшного Семибашенного тюремного замка). Репнин купил у Варвакиса его корабль, причем не смог расплатиться полностью, по-видимому выдав ему расписку на Адмиралтейство. Корабль был срочно необходим для перевозки русских воинов, освобождаемых из турецкого плена. В XII части «Материалов для истории русского флота» опубликован Высочайший указ Адмиралтейств-коллегии от 21 июня 1777 года: «Вследствие конфирмации Нами учиненной на докладе оной коллегии вице-президента графа Чернышева о покупке у служившего в войсках наших на Средиземном море поручика Варвакия собственного его судна, которое, как из представленных Нам от генерала князя Репнина уведомлений видно, обращено было сперва для транспорту освобожденных из плена, потом отправлено с еникольским обер-комендантом генерал-майором Борзовым в Царьград и оттуда употреблено для торговых надобностей, всемилостивейше повелеваем надлежащие за оное деньги заплатить ему Варвацию, за вычетом полученных от князя Репнина в Царьграде и от коллегии здесь на содержание».

Согласно семейному преданию, Варвакис добивался приема у императрицы. Зачем — мы можем лишь предполагать, но вряд ли он осмелился требовать недополученные деньги. Помогла случайная встреча с Г. А. Потемкиным в царскосельском кабаке. Светлейший любил иногда простонародное застолье и понимал по-гречески. Сам факт, что Потемкин представил Варвакиса императрице, также косвенно подтверждает, что речь шла о каких-то важных сведениях и предложениях. Аудиенция состоялась, однако если идеи Варвакиса действительно касались российского судоходства на Черном море, Екатерина их не поддержала. Первоочередным делом на тот момент она считала установление надежного торгового пути по Каспию в Персию, а в перспективе — и в Индию. И энергичный грек весьма подходил для этого. Варвакис получил от императрицы подтверждение офицерского патента, тысячу червонцев в подарок и право беспошлинной торговли на десять лет. Что касается «выбора» им для жительства Астрахани, то более чем вероятно, что город был прямо указан Екатериной. Внук Варвакиса М. Комнин-Варваций (сын дочери Варвакиса от первого брака, которая вышла замуж за потомка византийских императоров) в 1828 году напечатал в журнале «Северный архив» биографию деда, где выразился так: «Монархиня пожаловала ему 1000 червонцев и место в Астраханской губернии».

Астраханский краевед А. З. Марков опубликовал множество сведений из областного исторического архива, анализ которых позволяет сделать вывод, что деятельность Варвация в первые годы его пребывания в Астрахани, и особенно его участие в экспедиции Войно-вича, были скорее продолжением его государственной службы, нежели купеческой авантюрой. Похоже, что заключительные слова Екатерины в повторном патенте на чин поручика (вообще довольно нестандартном по тексту) имеют совсем не формальный смысл: «Мы надеемся, что он в сем вновь пожалованном чине верноподданным Нашей Державе будет, как то верному и доброму офицеру надлежит».

Приумножать свое состояние коммерцией Варвакис по-настоящему начал гораздо позже, о чем косвенно можно судить, сопоставляя известные даты его жизни. Аудиенция у императрицы состоялась в конце 1776 года, летом 1777-го он еще в Петербурге — получает причитающиеся ему за судно деньги, а уже в октябре 1778 года он не только владеет по крайней мере одним кораблем на Каспии, но и ходит на нем в Персию, и даже выкупает там русского пленного («Макара Романова сына Лаптева из Вятской провинции Орловского оброчного стана»). В следующем, 1779 году Варваций на своем галиоте вывозит в Астрахань имущество и личный состав русского консульства во главе с переводчиком Иваном Вансловым после учиненного персиянами в Реште погрома. Новый русский консул И. Тумановский в 1780 году привлек Варвакиса и для обмеров персидского берега, и для разведки обстановки в окрестностях Решта, и для дипломатических поручений к Гадает-хану, властителю Гиляна, а затем отправил его в Петербург с докладом к Потемкину. Понятно, что при такой жизни торговля не была основным занятием Варвакиса. Особенно это относится к 1781 и 1782 годам, когда греческий капитан участвовал в каспийской экспедиции известного нам Марко Войновича.

Большинство европейских государств весьма прибыльную торговлю с Персией и Индией вели морем. Россия, имея каспийскую границу с Персией и ее вассальными прикаспийскими ханствами, издавна стремилась укрепить здесь торговые пути и для собственной, и для транзитной торговли. В инструкции государственной Коммерц-коллегии определенному в Персию консулом Г. Мерку сказано: «Нельзя не признать, что торг российский в Персии не в том положении, в котором по существу его быть бы ему следовало; и если б знатные капиталисты из российского купечества, имеющие при том и сведения о торговле, в оный торг прямо взошли — то с вероятностию можно полагать, что транзитный торг через Россию был бы весьма знатный, от чего б и воспоследовала как государственная, так и частно торгующим польза».

Особые неудобства создавало отсутствие в Иране центральной власти после убийства в 1747 году Надир-шаха и постоянные междоусобицы персидских ханов. Проект руководившего восточной политикой России Потемкина (он был и новороссийским, и саратовским, и астраханским генерал-губернатором) состоял в том, чтобы создать на персидской территории недалеко от российской границы большую охраняемую факторию с товарным складом. Возмож-

ное противодействие персов предполагалось подавить военной силой. Специально направленный в Астрахань А. В. Суворов тайно подготавливал поход войск из Кизляра на Решт. Повидимому, изначально предполагалась и параллельная морская экспедиция в Персию. Естественной базой всего проекта стала Астрахань, несколько захиревшая после переноса в 1734 году центра среднеазиатской торговли в Оренбург. Однако антирусские выступления ногайцев на Кубани и татар в Крыму вынудили Потемкина отказаться от сухопутного персидского похода, чтобы сосредоточить все силы в Новороссии. Суворова об этом не известили, и он был смертельно обижен тем, что назначенный командиром морской экспедиции Войнович действует от него втайне.

В 1780 году в Астрахани вдруг появилась специально построенная на Казанской верфи военная флотилия из семи кораблей. Как писал в 1849 году «Морской сборник», «понаехало множество офицеров, привезены провизии, наконец в июне 1781 года прибыл капитан второго ранга Марко Иванович Войнович, и было приказано исполнять все его требования. Тайна готовящейся экспедиции только ему была известна».

Среди первых лиц, отбывших с Войновичем к персидским берегам, был и его старый боевой соратник Иоаннис Варвакис. Они вместе провели дипломатические переговоры с астрабадским ханом Ага-Мохаммедом (будущий шах), во владениях которого на берегу Астрабадского залива решено было строить факторию.

Подозрительный и коварный Ага-Мохаммед (евнук бывшего гарема Надир-шаха) сначала разрешил строительство, но затем вдруг арестовал Войновича и его офицеров и потребовал уничтожить все построенное. После этого он освободил пленников, извинился за «недоразумение» и даже отправил своего посла к императрице (которого Екатерина не приняла). В сентябре 1782 года эскадра Войновича вернулась в Астрахань, но уже через месяц была снаряжена новая астрабадская экспедиция во главе с участником первой, капитан-лейтенантом Баскаковым. Фактория была возобновлена. Сам Ага-Мохаммед принял участие личным капиталом в созданной русско-персидской торговой компании. В Астрабад уже в 1783 году переселились 50 персидских и 50 астраханских купцов. Во главе последних был астраханский приятель Варвакиса Минас Диянчеев. Казалось, что начал осуществляться план, о котором Войнович писал в рапорте Потемкину: «Астрабад и Мешхед могут стать средоточием торгов всего Востока».

Однако Ага-Мохаммед мечтал не о торговле, а о завоеваниях. В 1795 году он разграбил столицу союзной России Грузии — Тифлис. На следующий год ему удалось занять шахский престол (и стать родоначальником тюркской династии Каджаров), а Екатерина объявила ему войну, припомнив в манифесте и «оскорбление графа Войновича». Она поставила во главе армии молодого генерала Валериана Зубова (который проездом через Астрахань на Кавказ останавливался в доме Варвакиса). Удачливый Зубов почти без потерь занял Дербент и Баку, но в это время Екатерина скончалась, а новый император — Павел прекратил войну и отозвал войска.

После смерти императрицы грек Варвакис стал преуспевающим частным лицом. Еще в 1789 году он был «принят в вечное России подданство». Все свои незаурядные способности и энергию он посвятил теперь коммерции и благотворительности. В Астрахани торговля, рыбные промыслы и откупа приносили немалую прибыль.

М. Чулков, автор «Исторического писания Российской коммерции», писал в 1785 году: «Город Астрахань лежит в весьма теплой стороне Российского государства, и он есть очень привольное для жителей место, как по климату, так и по близости своей к Хвалынскому морю, изобильнейшему из морей великими рыбами, которыми пользуется оттуда большая часть Российской империи. Рыбные промыслы астраханских купцов столь велики и прибыльны, что заставляют их пренебрегать лавочным торгом. Многие из астраханских купцов держат мореходные суда, которые отпускают с чужими товарами в Персию, также ставят на них в Кизляре казенный провиант и отвозят казенные соль и рыбу в верховые по Волге города; у многих имеются виноградные сады, многие получают великую прибыль от амбаров, которые отдают внаем для чужой поклажи... Весьма многочисленны российские товары, отвозимые в Персию, Хиву, Бухару, для которых самые маловажные вещи уже очень важны, так что на Мангышлаке за одну иглу часто хорошую мерлушку наши получают».

Варвакис, которого теперь в документах именовали господином надворным советником Ива-

ном Андреевичем Варвацем, разбогател довольно быстро. Но интереснее другое: соответствующей богатству была и редкая щедрость этого удивительного человека, который в одной публикации назван «почти беспримерным жертвователем на Руси». Е. Карнович в книге «Замечательные богатства частных лиц в России» (1885) писал о нем: «По достоверным сведениям, во время своей жизни в России он употребил на разные благотворительные дела до 1,5 миллионов рублей. Вообще же он пожертвовал в России на общественную пользу до 3,5 миллионов и 1,4 миллиона рублей предоставил в пользу Греции. Остальное свое имущество он завещал дочери, бывшей замужем за директором банка в Астрахани П. Н. Ознобишиным, отцом русского стихотворца, довольно известного лет сорок тому назад».

Последняя фраза цитаты неточна. Александра — дочь Варвакиса от второго брака — недолго была замужем за Петром Никаноровичем Ознобишиным, симбирским помещиком. Оба они рано скончались, оставив на руках деда малолетних внуков Ивана и Дмитрия, которым он стал опекуном. Особенно он полюбил Дмитрия, именно ему завещал он, уезжая в Грецию, «остальное имущество». На средства деда Д. П. Ознобишин получил блестящее образование. Он стал не только исключительно популярным поэтом (восторженные поклонницы ставили его рядом с Пушкиным!), но также известным издателем — вместе с С. Е. Раичем они издавали альманах «Северная лира». Имя его осталось в истории российского востоковедения: он первый у нас перевел стихи Хафиза, Низами и Фирдоуси, издал первый персидско-русский словарь. Своим неутомимым интересом к Востоку он несомненно обязан деду.

Варваций особенно много сделал для Астрахани. В частности, построил 75-метровую соборную колокольню, каменную больницу на 50 человек и при ней — Тихвинскую церковь, расчистил заболоченный канал Волга — Кутум (который высочайше повелено было именовать Варвацьевским), построил через него четыре моста и набережные. Эта его деятельность была высоко оценена как астраханскими горожанами, так и правительством. В 1807 году Варваций получил орден Св. Владимира 4-й степени, в 1810-м — орден Св. Анны 2-й степени и в том же году «пожалован с потомством его на дворянское достоинство дипломом и гербом». В 1812 году более 12 тысяч рублей он отдал на нужды армии, в связи с чем был награжден бронзовой медалью на Владимирской ленте с надписью «За нерушимую преданность и любовь к царю и отечеству, наипаче изъявившему беспримерную ревность щедрым пожертвованием».

Врастая в российскую жизнь, Варваций никогда не забывал о родине. Связи его с греческой диаспорой, основная часть которой жила между Керчью и Таганрогом, были постоянными. В 1809 году он начал переговоры с городским обществом Таганрога о постройке на свои средства Александроневского храма Греческого Иерусалимского монастыря — того самого храма, в котором в 1825 году больше месяца стоял гроб с забальзамированным телом Александра I. В 1813 году Варвакис окончательно переехал из Астрахани в Таганрог.

Как раз в эти годы на юге России возникли два взаимосвязанных общества греков-эмигрантов. Одно — «Филомусон Этерия» — легальное, основанное графом Иоанном Каподистрией (в 1815-1822 годах — российский министр иностранных дел, в 1827-м избран президентом Греции). Другое — «Филики Этерия» — тайное, лидером которого стал сын бывшего господаря Молдавии молодой генерал 1812 года Александр Ипсиланти. Когда в марте 1821-го Ипсиланти поднял в Яссах восстание (давшее импульс греческой революции), Варваций закупил в Туле и отправил восставшим большую партию оружия. На следующий год Варваций, оставив семью в Таганроге, нелегально перебрался в Грецию. На свои деньги он вооружил отряд повстанцев и вместе с ним участвовал в осаде Моденской крепости. Больше года — до самой смерти накануне Рождества 1825 года — Варвакис находился в Греции. Если верна традиционная дата его рождения (1750), ему было 75 лет, если же правильны опубликованные Д. С. Марковым семейные сведения, то 93! В любом случае он прожил жизнь, достойную восхищения и признательности потомков. На его могиле в Афинах стоит — на фоне Акрополя — величественный мраморный монумент.